

Сергей Смирнов

ТРЕЩИНА

Повесть

Сергей Федорович Смирнов

Трещина

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40522869

ISBN 9785449626363

Аннотация

Действие повести происходит в начале восьмидесятых годов. Студент мединститута Стас Смилович решает прервать учебу, чтобы пройти службу в армии. Ему кажется, что для него нет недостижимых целей. Но в реальности все далеко не так. В армии он песчинка в огромном механизме, и шестеренки этого механизма почти раздавили его. Но случай, помогает ему подняться наверх. Стаса ждут взлеты и падения, любовь и смерть, подлость и доброта людей. В конце повести он получает неожиданный приз.

Содержание

Пролог	5
Часть 1. Отвесное падение	13
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Трещина

**Сергей Федорович
Смирнов**

© Сергей Федорович Смирнов, 2019

ISBN 978-5-4496-2636-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Первые теплые лучи мартовского солнца прогрели пятючок асфальта возле бокового входа в главный корпус мединститута. На нем прямо под стендом «Навстречу олимпиаде 80» толпились студенты. Эту разномастную публику объединяла одна деталь. Из-под пальто, курток, дубленок виднелись белые халаты. Выделялась одна группа, стоявшая особняком. Студенты беспечно курили, щелкали жвачкой, периодически взрываясь хохотом и веселыми комментариями. Высокий парень, перевесив сумку с конспектами на плечо, отчаянно жестикулируя руками, с жаром рассказывал какую-то историю, слушавшие его ребята временами перебивали его, требуя подробностей. Входная стеклянная дверь немного приоткрылась. Полная девушка, высунув голову в проем, посмотрела на стоявших парней. Заметив, кого-то громко, крикнула:

– Смидович, зайди в деканат.

Рассказчик замолк, обернувшись на голос, а коренастый студент, с обвислыми усами, недавно хохотавший до слез сказал:

– Меня тоже вчера за прогулы в деканат вызывали, – и, посерьезнев, произнес, – ладно пошли на лекцию.

Ребята, дружно побросав окурки в урну, быстро просочились в помещение. Надвигалась сессия, и каждый думал

о своем. Компания моментально растворилась в общей массе народа. В студенческой раздевалке было настоящее столпотворение. Одни заходили с улицы и быстро раздеваясь, бежали на лекции, другие спешили одеться, чтобы успеть на кафедры и в клиники. За стойкой работали четыре гардеробщика, они шустро брали номерки, выдавая верхнюю одежду, и молниеносно принимали ее у других. Работа в гардеробе оплачивалась, и заняты там были преимущественно студенты. Наиболее активные ребята, умудрялись заниматься этим в окнах между лекциями.

– Стас, подходи сюда, – крикнул один из гардеробщиков.

– Саша, привет, – ответил Стас, на ходу снимая дубленку и подавая ее окрикнувшему его гардеробщику. Саша отошел в сторону и поманил за собой Стаса.

– Подходи сегодня к четверем в телевизор, – сказал Саша, – обсудим летний калым, а заодно и пива поьем.

Телевизором называлась большая застекленная рекреация, с рядами стульев, как в кинотеатрах, стоявшими вдоль стен. Излюбленное место встреч и неформального общения студентов.

– Кстати, я тут недавно общался с одним человечком, сыном председателя колхоза, его папаша предлагает работу по реконструкции клуба, и готов, хорошо, заплатить, – сказал Стас.

– Неожиданное предложение, а как мы это сделаем, это же не коровник построить, – ответил Саша.

– У меня есть один знакомый литовец, художник оформитель, профессионал, он это делал не раз, – сказал Стас, постепенно двигаясь к выходу,

– Ладно, я побежал, увидимся.

До начала лекции оставалось минут десять, и Стас решил быстро заскочить в деканат. Взбежав по лестнице на второй этаж и пройдя по коридору, он постучал в огромную двухстворчатую дверь. Ответа не последовало. Приоткрыв одну створку, и заглянув в комнату, Стас спросил:

– Можно?

Посреди комнаты на огромном столе, заваленном папками, брошюрами, анкетами и бумагами стояла пишущая машинка. На ней печатала худощавая женщина средних лет. Направо и налево от нее находились двери кабинетов декана и зам декана. Секретарь оторвалась от машинки, взглянула на вошедшего посетителя, и сказала:

– А, Смидович, смотри, допрыгаешься, могут и посадить.

– Татьяна Ивановна, а в чем дело? – удивился Стас.

Секретарь повернулась в крутящемся кресле, достала с полки картонную папку, развязала тесемки и вынула небольшую бумажку.

– Повестка в военкомат, уже третья, с уведомлением, распишись, – сказала она и протянула ручку. Он, молча, расписался. Татьяна Ивановна оторвала корешок с подписью, убрала его назад в папку и отдала бумажку студенту.

– Это все? – спросил Стас. Она, молча, кивнула.

– Ладно, изучу на лекции, до свидания.

Он вышел. Зайдя в лекционную аудиторию, Стас привычно прошел на задние ряды и подсел к студенту с усами. Лекция еще не началась, и было минуты три, чтобы немного поболтать.

– Ты куда летом поедешь? Как обычно с Конюшком? – спросил студент с усами.

– Пока не решил, но есть интересная тема, реконструкция дома культуры – ответил Стас.

– А сколько платят?

– Ну, на «Жигули» за лето можно заработать, – сосед тихо присвистнул, и после паузы сказал, – тебя Лена искала.

Стас махнул рукой и отвернулся к сумке, вспомнив про повестку. Он достал ее, положил на стол и начал изучать. Сверху синел штамп «повторная», ниже ровными буквами было написано: 16 мая в 9.00 вам предписано явиться на сборный пункт по адресу..., при себе иметь..., в случае неявки будете привлечены к уголовной ответственности. В задумчивости подняв глаза, он увидел, что к нему подошла Аня.

– Ты что, от меня бегаешь? – спросила она, отводя глаза в сторону.

– Да вроде нет, – ответил он.

– Ладно, – сказала она.

– Вот, тебе Витек передал, – протягивая Стасу пухлый заклеенный конверт.

– Спасибо, – сказал он, спрятав конверт в карман.

– А вы что теперь вместе?

– Дурак, – ответила она, и резко повернувшись на каблуках, пошла на первый ряд, конспектировать лекции.

– Этого еще не хватало, язык мой – враг мой, наверно обиделась, – подумал Стас.

Поздним вечером, придя домой и, поужинав в одиночестве, Стас решил переговорить с родителями. Они сидели в зале на диване и, смотря телевизор, о чем-то негромко разговаривали. Увидев его, сразу замолкли. Без предисловия, он произнес:

– Меня забирают в армию, что посоветуете?

Мать радостно подхватила эту тему, будто о ней постоянно и думала.

– Стасик, так всем будет лучше, смотри, у тети Кати сына посадили за уклонение, а так все равно заберут, чего тянуть. Может быть, устроишься в медсанбат, опять же медицинский стаж. Не успеешь оглянуться, а пенсия вот она, и стаж пригодится. И медицинского опыта наберешься.

Отец молчал, видно это уже было внутри них согласовано.

– Ясно, ваша позиция понятна, – в растяжку произнес Стас, одевая дубленку.

– А ты куда? – забеспокоилась мать.

– Сегодня мое дежурство в детсаду, – сказал он, беря сумку и выходя из квартиры.

Утром сидя на лекции, он взвешивал все за и против. Ко-

нечно, хорошо на какое-то время уйти от проблем, накопившихся за последний год, передохнуть, разобраться со своими подругами, подумать о дальнейшей карьере, отдохнуть от пьяных вечеринок. Хорошо было бы вернуться с «табуля раз» (чистой доской) в голове, а потом можно и на новый круг жизни. В армии можно вступить в партию, на гражданке проверить это очень трудно, кругом сплошные карьеристы, все прут туда. А может, заберут служить за границу, в Германию или Венгрию, слышал сейчас идет большой набор в Афганистан. Там можно отовариться пластинками и джинсами по дешевке, и мир посмотреть. Говорят, и дедовщины в армии сейчас нет. С другой стороны, терять два года просто так тоже не хотелось. Имея много знакомых, отслуживших в армии, он видел трансформацию в психике людей «до» и «после». Многие говорят «возмужал» после армии. Но после армии, люди словно выгорали изнутри, все были похожи друг на друга, все действия как будто роботизированные, по шаблону. Вернулся, женился, пошел на работу, купил польскую стенку, наплодил детей, стал инвалидом по болезни, посидел несколько лет на лавочке у подъезда, и все, ку-ку. В общем, работа – дом, работа-кладбище. Это пугало. Что там с нами произошло? И, все-таки, Стас решил пойти в армию, срочно сдал сессию, благо время до срока явки по повестке еще было.

Станиславу Романовичу Смидовичу на вид было лет двадцать, высокого роста, спортивного телосложения, приятной

наружности. Особых внешних примет не имелось, и он ничем не отличался от тысяч сверстников. По характеру спокоен, общителен, хладнокровен, практически сангвиник, с хорошо подвешенным языком, и большим кругозором. В любой компании всегда легко находил язык с разными собеседниками, и мог разговаривать на любые темы, пересыпая фразы цитатами из книг и латинскими поговорками. Не любил создавать конфликтные ситуации, был сторонником мирных решений. В последнее время, сильно избалован вниманием девушек, поэтому всячески старался уйти от серьезных отношений с ними. Был он в меру ленив, любил выпить, послушать хорошую музыку. В детстве учился в музыкальной школе по классу фортепиано, но не закончил ее, переметнувшись в спортивные секции. Занимался спортивным ориентированием, самбо, большим теннисом. Участь в школе, играл в нескольких музыкальных коллективах, выступал на городских соревнованиях по самбо. Без посторонней помощи и репетиторов поступил в медицинский институт. Живя с родителями, и пользуясь всеми радостями «бесплатной» жизни, на хорошую одежду, развлечения и рестораны зарабатывал сам. Раньше это была только спекуляция «фарцовка», торговал всем; значками с фото популярных западных музыкантов, жевательной резинкой, джинсами, мохеровыми шарфами, исландскими свитерами, монгольскими дубленками. На заработанные деньги купил швейную машинку с оверлоком. Скопировав выкройки, начал шить «само-

пал». Брюки, джинсы, кожаные сумки. В общем, все то, чего не было в советских магазинах. И что можно, красиво запаковав в целлофан, впарить на вещевом рынке, вместе с фирменными вещами. В последнее время это стало опасно, многих знакомых спекулянтов посадили, а за один только доказанный факт, отчисляли из института. Но приторговывать фирменными вещами для студентов, в небольших количествах было возможно. Естественно объемы этой деятельности сократились в разы, приходилось подрабатывать ночным сторожем, в детсадах, магазинах, и даже бассейнах. Это конечно не очень удобно, раз в три дня спать не дома, а на стульях, кушетках и столах без простыней и одеяла. Зато пришел к 23.00 пост принял, поспал, в 7.00 пост сдал и пошел досыпать на лекциях. Но главное, зарплата в 80—90 рублей позволяла относительно безбедно существовать. В последнее время, учась в институте, увлекся стройотрядовским движением, на летних каникулах, строили сельхоз объекты, а осенью ездили с агитбригадами. И это было лучше, чем перебирать мерзлую картошку на поле. Учеба давалась легко, и можно было бы получать и повышенную стипендию, если бы не огромное количество пропусков занятий. А отработка пропущенного, занимала много драгоценного времени. Хвостов по учебе не было, и то ладно. Диплом и так получит, рассуждал он, а после окончания ВУЗа Стас не планировал долго засиживаться простым доктором, его влекла карьера крупного организатора здравоохранения.

Часть 1. Отвесное падение

Весь ужас своего положения Стас понял, когда работник военкомата забрал у него паспорт и другие документы. Старший лейтенант после этого сразу изменился, никаких «вы», а сразу на «ты», в глазах холод, в голосе командные ноты.

– Если нужно в уборную, вон толчок, – сказал он, указывая на желто-зеленый покосившийся домик, – не вздумай употреблять спиртное, сиди и жди перекличку. Дважды повторять не будут, не заберут сегодня, ночевать будешь на плацу. Шагом марш. Стас ответил:

– Понял, спасибо, – и побрел осмотреться.

Стояла поздняя весна, середина мая, а на улице было очень холодно. Апрель, побаловав теплом, запустил бурный рост растений, все зацвело, зазеленело. Но в мае холодный арктический фронт накрыл область снегопадами и заморозками. Люди, не зная, что одеть, делали выбор в пользу зимней одежды. Но сегодня выглянуло яркое солнце, и, припекая как летом, заставило шуриться и расстегивать верхнюю одежду.

Сборный пункт, это заасфальтированный участок земли с двухэтажным домом – конторой, куда входили и выходили военные, неся кипы документов, и уличный туалет. В стороне из земли торчала водяная колонка. Окружен он был кованым металлическим забором, высотой метра два, увен-

чанным погнутыми пиками, и въездными воротами, возле которых стояли солдаты с повязками дежурного по КПП. Позади забора местами росли раскидистые деревья, создавая тень молодой листвой. На плацу на вещмешках и чемоданах сидели и лежали призывники, некоторые расположились в тени деревьев, где-то брэнчала расстроенная гитара. Только сейчас Стас обратил внимание на людей, стоявших за забором. Наверное, родители новобранцев, подумал он. Изредка оттуда кто-то выкрикивал фамилии и названия населенных пунктов и деревень, им отвечали и подходили к ограде. Слышались негромкие, в основном женские голоса, иногда кто-то всхлипывал.

– Как на войну провожают, – подумал Стас. Окинув взглядом призывников, желая найти собеседника, он не смог ни за кого зацепиться взором, это была не его аудитория. В основном это были жители деревень, почти все были одеты в старые фуфайки и телогрейки, из прорех которых торчала вата, да в старомодные потертые пальто и овчинные, засаленные полушубки. На ногах были разного рода кирзовые и резиновые сапоги, грубые ботинки и ботиночки «прощай молодость» из войлока с замочком по центру. В общем, все то, что можно было без жалости, потом выбросить. Некоторые были уже пострижены наголо. Почти все что-то жевали, доставая из вещмешков, каждый себе, домашние заготовки, кто сало, кто печенье. Запивали молоком, налитым в водочные бутылки и заткнутые свернутой газетой, сырой водой,

налитой из колонки, а кто-то с осторожностью, и выпивал. В нескольких местах играли в карты на «щелбаны», радостно отщелкивая, по лбу друг друга, костяшками пальцев.

Стас заприметил двух парней, отличавшихся от других. Прилично одетые они сидели на своих сумках, курили, и наблюдали за происходящим. Один из них был высокий в красной куртке – ветровке и потертых джинсах, другой среднего роста, с длинными волосами, одет в короткое черное двубортное пальто и серые расклешенные брюки с кепкой на голове. Стас подошел к ним и сказал:

– Привет, можно присесть? – парни кивнули.

– Ты откуда? – спросил высокий.

– Из меда, – ответил Стас, отсрочку потерял.

– Я из политехнического, такая же ерунда.

– А ты?

Парень в черном пальто неохотно ответил:

– Окончил художественное училище, и вместо обещанной работы загремел в армию. Повисла небольшая пауза.

– А что здесь происходит? – спросил Стас.

– Покупатели из воинских частей отбирают себе бойцов, как наберут нужное количество, будет переключка, и повезут в разные стороны, – ответил художник.

– А повлиять на выбор можно как-нибудь, может, я хочу в Германию.

– Шутишь, – ухмыльнулся высокий парень, – это конец весеннего призыва в армию, всех, кого надо было набрать

в нормальные войска, уже набрали. Остался один стройбат и желдорбат, туда забирают всех остальных. Хромых, косых. Но лучше пойти в стройбат, можно хоть денег заработать.

Станислав это уже понял, хотя и был раздосадован, что не узнал этого раньше. Когда он рассматривал собравшихся здесь призывников, тогда еще подумал, как можно за два года сделать что-то из этого материала. Заскрипели ворота, открываемые солдатами, и на территорию въехали четыре автобуса.

– Стас, Стасик, – услышал он знакомые голоса. Подняв голову, он увидел у забора небольшую компанию людей, просунув руки между прутьями, махали чьи-то белые ладошки. Он встал, взял в руки сумку, и пошел к ограде. На глаза навернулись слезы, молодцы, не забыли, пришли. Но по мере приближения к ним, он вдруг ощутил, что между ними уже как будто выросла стена, что они смотрят на него, как на зверя в зоопарке. Они там, на свободе, едят пломбир, смеются, а ты как лев, бегаешь внутри клетки. Возможно, ему это просто показалось, ребята весело махали ему и были искренне рады. Проводить его пришли четверо парней, среди них гардеробщик Саша, и девчонки Аня и Лена.

– Ха-ха-ха, привет, еще не обрили, – сказал кто-то из парней, – куда повезут служить? Автомат дали? Почему штаны без лампасов?

Лишь девчонки спросили:

– Ты что-нибудь ел, не голоден?

Оказавшись в кругу друзей, после долгого молчания Стаса прорвало, и он, без перерыва, рассказывал им анекдоты, почему прапорщики не едят соленых огурцов, сколько надо прапорщиков, чтобы завернуть лампочку и другие шутки. Все дружно покатывались со смеху, было весело и время летело незаметно. Лена сделав знак рукой, поближе наклонилась к решетке, Стас наклонился к ней. По всему было видно, что, Лена имела высокое социальное положение, она выгодно отличалась от других. Среднего роста, светлые волосы подстрижены под «Сэссун», правильные черты лица, в ушах и на пальцах рук сверкали бриллианты. Ослепительно белый пиджак с надставными плечами, имел трапециевидную форму, под ним короткая синяя юбка в крупную складку, на ногах светло-голубые лосины до щиколоток и белые туфли-лодочки.

– Ты все решил? – спросила она.

– Да, – быстро ответил Стас.

– Я говорила с отцом, он, конечно, удивлен твоим полетом фантазии, – Лена сделал паузу, – у него на тебя были большие планы. Может, еще передумаешь? Пока не поздно.

– Я все решил, – ответил он. Лена нервно пожала плечами.

– Что там за секреты от нас? – раздались голоса ребят.

Внезапно на плацу все пришло в движение, призывники вставали, слышались громкие голоса, из конторы выходили военные с коробками документов.

– На чем я остановился? – бодро начал Стас, но уви-

дев происходящие перемены на призывном участке, осекся на полуслове. Быстро погрузнев, сказал:

– Ну, все друзья, мне пора, скоро увидимся, пока. Саша собери все, что осталось от наших дел у себя, потом разберемся, обратился он к гардеробщику. Девочки всех целую.

Стас решительно повернулся и пошел к центру плаца. В голове мелькнула мысль, поскорей бы они ушли, не смотрели бы на печальную сцену загона скота в «скотовозку».

А на плац из конторы выходили военные, офицеры и прапорщики, а с ним несколько сержантов. Они тащили огромные картонные коробки с документами, формулярами, папками. Разделившись на четыре группы, и разойдясь в стороны, военные поставили коробки на асфальт. Начиналась перекличка. Чтобы не было путаницы, каждая группа дожидалась конца переклички предыдущей. Сержант первой группы, взяв в руки мегафон, стал выкрикивать фамилии. Услышав свою фамилию, призывник подходил к старшему офицеру. Прокричали очередную фамилию, и знакомый Стаса, тот, который высокий, взяв свои вещи, пошел к своей группе. Огласив весь список и собрав всех, призывников повели к автобусу. Стас, и художник, молча, ждали своей участи. Сержант с мегафоном начал новую перекличку. Послушно, как заколдованные люди, услышав свою фамилию, вставали и шли к центру.

– Смидович, – выкрикнул сержант. Стас безучастно сидел, потом внезапно подскочил, сказал зачем-то:

– Я, – и, взяв вещи, пошел к своей группе. Закончив сбор, всех повели к автобусу. Закрыв заднюю дверь, и поставив возле нее сержанта, прапорщик со списком встал у передней двери, второй сержант стоял позади ватаги призывников, контролируя тылы.

– Как в кино. Не хватает только лающей овчарки и фашиста с автоматом, – подумал Стас. Прапорщик снова выкрикивал фамилии, и призывники загружались в автобус. Сержант с тыла покрикивал:

– Быстрее, не задерживаться, – и люди, недавно спокойные, даже вальяжно сидевшие и лежавшие в ожидании отправки, внезапно побежали. Быстро заскакывая на подножку, и преодолевая ступеньки, запинались, падали, заволакивая свой скарб внутрь транспорта. Сержанты, почувствовав свою власть, покрикивали уже в проходе автобуса:

– Плотнее садиться, не курить, не распаковывать вещи.

Призывники присмирели, и лишь крутили головами по сторонам, протирая руками, запотевшие стекла окон и силились что-то увидеть в них. Двери закрыли, автобус поехал. В нос Стасу ударил сильный запах смеси перегара, старой овчины, грязных носков и дешевого одеколona. В обморок, конечно, он и не думал падать, на вскрытии в анатомке и не такое нюхал. Но все же, это вызывало ощущение того, что он не может уже ничего изменить, и нет возможности, ни на что повлиять самому. Его несло по течению.

Автобус приехал на железнодорожный вокзал, заехал

на платформу в тупик и открыл передние двери. На путях одиноко стоял ободранный общий вагон, двери были открыты. Возле вагона переминались с ноги на ногу, дежурили еще два сержанта сопровождения. Вагон прицепят потом к поезду, подумал Стас. Не давая передышки, и видимо, чтобы избежать разбредания призывников по перрону, сержанты встали живым коридор между автобусом и вагоном. Прапорщик скомандовал:

– Переходим в вагон, вещи не оставлять, не задерживаться.

Раздались голоса:

– А покурить, дайте покурить.

– Покурите в вагоне, окна там откроем, – парировал прапорщик. Продвигаясь к выходу из автобуса Стас заметил того парня, художника, он шел впереди. Отлично, сяду рядом с ним, будет хоть с кем поговорить, подумал он. Выйдя на перрон, Стас понял, зачем нужна была та поспешность, с которой призывников запикивали в вагон. На перроне то тут, то там появлялись провожающие, это были уже не родители, а друзья- приятели. Все они были навеселе, громко разговаривали, некоторые откровенно пьяны, и в их сумках слышалось подозрительное позвякивание. Призывники, зашедшие в пока еще чистенький вагон, рассаживались по купе, распределяя свои вещи по полкам и рундукам, открывали окна, закуривали, выпуская наружу клубы дыма. Общаюсь через открытые окна с провожающими, призывники то

и дело принимали внутри вагона звякающие сумки и пакеты, быстро пряча их в вещах. Сержанты, пытаясь пресечь пронос спиртного, ходили от одного купе к другому и кричали:

– Продукты питания, и алкоголь передавать запрещено. Произошла очередная метаморфоза. Призывники еще недавно покорно, как бараны, шедшие на заклание, теперь очутившись в просторном вагоне, и чувствуя свое преимущество в силе, по крайней мере, в общем количестве, осмелели и дерзко разговаривали с сопровождающими, оттесняя их от окон. Стас подсел в купе, где расположился художник, и, протянув руку, представился:

– Стас.

Парень, пожав руку, ответил:

– Анатолий, будем знакомы.

– Скорее всего, будем служить вместе, ты из города? – спросил Стас.

– Из пригорода, из Нахаловки, знаешь такое место? – ответил Анатолий.

– Да уж, место известное, можно сказать легендарное, ночью лучше туда не соваться, сплошные химики, да еще и зона, местное население весьма специфично, – ответил Стас. Он припомнил, как однажды ночью, зимой, в сильный мороз, в течение часа ловил там такси, чтобы добраться до дома, и несколько раз к нему подходили подозрительные типы, с просьбой закурить, но тогда пронесло. А еще у его знакомого, там отняли новенький мотоцикл «Ява». Потом, правда

покатались и вернули. Да, было дело.

– А я там всю жизнь прожил, привык ко всему, – ответил Анатолий, нисколько не обижаясь на сказанное Стасом. Местные меня знают, не трогают, да и природа там красивая, лес, река, рыбалка. Там я научился писать природу, с училищем постоянно ходили на пленэр. Только делать там особо нечего, работы по моему профилю нет, разве, что афиши в клубе рисовать.

– Даа, – протянул Стас, – ладно, отдашь долг Родине и весь мир у тебя в кармане, живи, где хочешь, ты ведь не женат? Этот вопрос он задал потому, что парень выглядел постарше остальных.

– Бог миловал, – пробурчал Анатолий. Послышался характерный лязг и вагон дернулся, потом еще, и еще.

– Скоро поедем? Товарищ прапорщик, а куда нас везут?

Посыпались вопросы со всех сторон, к проходившему по проходу военному, одетому в полевую форму, в портупее и сапогах. Фуражки на голове не было, показывая идеальный пробор в набриолиненных волосах.

– Поезд следует на Восток. Будем в пути полтора суток, по приезду все узнаете, – остановившись, сказал он. – Во время следования поезда вам будет выдан сухой паек. Жалобы, пожелания есть?

– Нет, – не дружно ответил хор голосов.

– Напоминаю, – продолжал он, – что употребление спиртных напитков запрещено. Теперь вы в армии и подчиняетесь

командирам.

– До принятия присяги можно все, – крикнул кто-то с дальнего купе.

– Кто тут такой умный? – нараспев произнес прапорщик. Никто не ответил. Поезд потихоньку катился, набирая скорость. При выезде из города, дома постепенно становились все ниже, обшарпаннее, на пригорках стояли разнокалиберные металлические гаражи. Показались башни элеватора, и наконец, замелькал дощатыми заборами частный сектор, с заросшими сорняками косогорами и кучами угля и мусора, затем промелькнули огороды и поезд выехал на простор. Притихшие призывники смотрели в окна, как бы на время, прощаясь с родными местами. В вагоне, на какое-то время повисла тишина, прерываемая постукиванием колес на стыках рельсов. Но, выйдя из оцепенения, как по команде все начали распаковывать свои сумки, открывать чемоданы и вещмешки и извлекать оттуда завернутую в газеты или в полиэтилен снедь, выкладывая ее на столики в купе. Там быстро образовалась гора из вареных яиц, шматков сала, вареной курицы, соленых огурцов и хлеба. Стас тоже достал из сумки свою долю, мать завернула в кальку три бутерброда с копченой колбасой и три бутерброда с сыром, отец сказал, что в дороге обязаны кормить. Быстро перезнакомившись, призывники опять наинулись на еду, как будто голодали трое суток. Пиршество длилось недолго, кто-то еще дожевывал, кто-то, взяв, сигарету в губы оглядывался, по сторонам:

можно ли курить в купе? По вагону потянулся дымок. Сразу же появились сержанты, обходя все закутки и покрикивая:

– Курить в дальнем тамбуре, по одному.

В хвост вагона потянулся народ.

– Пойдем, покурим, – сказал Анатолий. Стас, молча, встал, достал из сумки пачку сигарет «Союз-Аполлон» и последовал за Толей. В тамбуре не было места от курящих призывников, стоял такой смог, что можно было и не доставать сигарету. Никто не разговаривал, а только жадно затягивались и выпускали дым. Без удовольствия выкулив половину сигареты, Стас вернулся на место. Призывники между тем, перемещались по вагону, знакомились, подсаживались то к одним, то к другим. В некоторых купе собирались большие кучки, человек по десять, втихаря выпивали, горланили песни под гитару, играли в карты. Прапорщик и сержанты недооценили количество спрятанного спиртного, и к вечеру разнося сухой паек, уже урезонивали особенно буйных. Многие, собрав со стола свою провизию, залезали на полки, раскатывали матрацы, клали под голову свои вещмешки, и засыпали, или просто лежали.

Стас решил пройтись по проходу, свет был притушен, во многих купе уже спали, с полок свешивались ноги в вязаных носках.

– Э, садись к нам, – услышал Стас хриплый голос. Он подошел к небольшой компании, игравших в карты при свете ночника парней.

– Будешь? – спросил усатый парень у окна, характерно оттопырив мизинец и большой палец.

– Можно, – ответил Стас.

– Налей, – сказал парень веснушчатому толстяку.

– Бажен, он не сдавал, – пропищал толстяк.

– Я те сказал, налей! – пьяно рявкнул Бажен. Толстяк нырнул под стол, и в полнейшей темноте налил пол стакана водки. Вынырнув, он сказал:

– Держи! – Стас принял засаленный граненый стакан, и посмотрел вокруг. Из полутемноты на него смотрели шесть пар глаз, застыв с картами в руках.

– Ну, за тех, кто в сапогах, – пытаюсь сойти «за своего», сказал Стас, где-то услышанный тост. Закусив подмоченным печеньем, поставил стакан на край стола.

– Ты еще не в сапогах, – сказал Бажен, остальные недружно засмеялись.

– Если завтра хочешь еще, сдавай пятерку.

Стас сразу понял, что это цена глотка водки, но не стал выяснять отношения, а решил поторговаться.

– У меня только трояк.

– Сдай Хомяку, – сказал Бажен. Стас достал из наружного кармана заранее припасенную мелочь, набрал три рубля, и отдал ее Хомяку. Хорошо, что разложил деньги по разным карманам, подумал он. Во внутреннем кармане на молнии у него лежали пятьдесят рублей новыми десятками, припасенными на экстренный случай. Попрощавшись, он встал

и пошел спать в свое купе.

Ночью всех разбудил страшный крик. Кричало несколько человек, слышалось топание ног, звон разбитой посуды, удары об перегородки. Кто-то голосил:

– Сзади, сзади, пацаны, бей сержантов, – в ответ летел отборный мат. Проснувшиеся от криков и шума призывники, как пугливые пингвины, развернувшись головами в проход, наблюдали за событиями. Стас, свесил ноги с полки, и в темноте прислушивался к происходящему. Похоже, это происходило там, где ему наливали.

– Ой, ой, я те дам, ах ты гад, брось вилку, больно, больно, рука, рука, тащи веревку, все, больно, – слышались многочисленные голоса.

Выкрики и шум борьбы постепенно стихали. Прапорщик и сержанты, одержав локальную победу, ходили по проходу и кричали:

– Всем лежать на своих местах, отбой.

Хотя и так все уже лежали на полосатых, комковатых матрацах. Стас, подтянув ноги на полку, повернулся к стенке, и подумал: вовремя я оттуда слинял.

Наутро проснувшись и не открывая глаза, под мерное покачивание вагона, и знакомый с детства перестук колес, Стас подумал, что едет к морю, к солнцу. Но открыв их, он увидел все ту же картину, призывников, жующих пищу.

– Стас, спускайся завтракать, принесли сухпаек, – сказал Анатолий, заметив движение на верхней полке.

– Угу, – буркнул он в ответ, – сейчас умоюсь.

Взяв с собой домашнее полотенце, он прошел в конец вагона к туалету. Весь тамбур был завален мусором и окурками, под ногами скрипело разбитое стекло.

– Кажется, я вчера многое пропустил, – подумал он. Толкнув дверь туалета, Стас отпрянул, в нос ударил резкий запах мочи и экскрементов. На полу в слое мочи и зеленых плевков, плавали скомканные газеты, унитаз был настолько загажен испражнениями, что к нему нельзя было подойти, не испачкавшись.

– Как я буду чистить зубы? – подумал он, пойду в туалет в начале вагона.

– А тот туалет открыт? – спросил он курившего у тамбура, махнув рукой в сторону начала вагона.

– Нет, – ответил тот, – прапор закрыл, там только для сопровождающих. С усилием воли умывшись, Стас вернулся в купе и, перекусив, решил немного походить по вагону, размять ноги. Пассажирский поезд, к которому был, прицеплен вагон с призывниками, останавливался на станциях, но из вагона никого не выпускали. Пассажиры этого вагона развлекали себя сами, как могли, где-то разгадывали кроссворды, где-то играли на гитаре и пели «блатняк», а в основном лежали на полках, тупо разглядывая потолок. Дойдя до вчерашнего купе и остановившись, он увидел ту же компанию в полном составе. У окна сидел Бажен, вокруг него свита. Левый глаз его сильно заплыл и был наполови-

ну прикрыт, под глазом чернел огромный синяк, губа разбита, со следами запекшейся крови, из черного приоткрытого рта сверкали червонным золотом зубы. В руках он держал стакан с чаем, кулаки были сбиты, а на двух пальцах Стас увидел синеющие наколки. Остальная компания тоже была изрядно потрепана, у кого ссадина, у кого синяк. И только Хомяк выглядел свежим, и невинным.

– Всю водку забрали козлы, похмелится нечем, – шипел Бажен.

– Я думал, сегодня с утра на станции купим у проводников, сержанты не дали даже в тамбур зайти, – оправдывался Хомяк.

– И земляки вчера все допили, – сказал один из сидящих.

– Слышь, город, выпить есть? – спросил у Стаса Бажен.

– Откуда, пожал плечами Стас, и, чтобы быть на одной волне, соврал, – вчера все выпили.

– Он нам еще два рубля должен, – вставил Хомяк.

– Потом разберемся, – отмахнулся Бажен.

Между тем наступил вечер, и новобранцы приближались к станции назначения. Сержанты заходили по проходу, будили спящих призывников и командовали:

– Всем собрать вещи, сесть на нижние полки, приготовиться к перекличке, остановка поезда 15 минут, не задерживаться.

Поезд остановился, призывники, вышли на перрон, крутили головами, и оглядывались, пытаясь прочесть название

станции. Их встретило темное небо без звезд и луны и сильная влажность воздуха как после дождя. Сбившись в кучу, они попытались на перроне присесть на свои котомки.

– Разобраться в колонну по три, вещи в правую руку, шагом марш. Беспорядочная колонна вышла из вокзала, и пошла по краю дороги за прапорщиком.

– Командир, а где автобус? Долго идти? Скоро придем? – зазвучали голоса.

– До части три километра, идем строем, не растягиваться, – прикрикнул прапорщик. В полнейшей темноте, шли по дороге, освещаемой только фарами проезжающих машин. В строю замелькали огоньки сигарет. Почувствовав приближение части, сержанты начали чаще подавать команды.

– Отставить курение в строю, не растягиваться, шире шаг, держать строй.

Показались ворота со звездами на створках. Ворота открылись, и призывники недружно ввалились на территорию части. Тусклый свет фонарей уличного освещения позволял рассмотреть несколько рядов одноэтажных барачных корпусов. В части был уже отбой, поэтому кроме дежурного офицера и его помощника никого не было видно.

– Куда их? – спросил прапорщик.

– В первую роту, – ответил дежурный. Строй двинулся дальше. Внезапно в барачном корпусе открылась форточка, и высунувшаяся голова, нарушая тишину, возопила во все горло:

– Вешайтесь суки, вам конец пришел.

Стали открываться и другие форточки, рев голосов сливался в вой у-у-у:

– Вешайтесь, падлы!

Сержанты сопровождения, радостно ухмыляясь, усилили давление.

– Идем в ногу, раз – два, раз – два, держать строй, подтянись.

Призывники, ожидавшие услышать при встрече, как минимум марш «прощание славянки», втягивали головы в плечи, испуганно тараща глаза в сторону криков. Всех завели в помещение роты, развели по спальным комнатам, где на двухъярусных кроватях уже лежали матрацы и подушки, без простыней и одеял.

– На сегодня отбой, – приказал дежурный по части. Всем отдыхать, через пять минут будет потушен свет.

Стас прилег на кровать нижнего яруса, свернулся калачом, накрылся своей курткой и сразу же заснул.

Утро началось с команды:

– Подъем, выходи строиться, – зевая и почесываясь, разношерстная толпа вышла из помещения роты.

Всех призывников разделили на три взвода, а каждый взвод на три отделения. Отделение Стаса повели в каптерку, где каждому выдали трусы, майку, повседневную форму, портянки, сапоги, пилотку, ремень. Все, кроме трусов и маек было новенькое, и Стас быстро переодевшись, сидел на своей кровати и спичкой, окунаемой в баночку с раство-

ром хлорки, подписывая свое обмундирование. Вид, конечно, у него был аховый, форма была великовата, и пузырилась в бедрах, рукава были чересчур длинные, а ворот широкий. Кое-как, намотав новые жесткие портянки, он надел тяжеленные кирзовые сапоги, тоже великоватые, хлябающие в голяшке. Встав, попробовал пройтись. Все было неудобно и непривычно, как тяжелый водолазный костюм.

Построив новобранцев перед зданием роты, начали представлять командиров. Оказалось, у Стаса теперь с десятков командиров: командир отделения, зам комвзвода, командир взвода, старшина роты, замполит, командир роты. А есть еще и руководство части. Командир роты капитан Кадушкин, человек с кривыми кавалеристскими ногами, и косившим глазом, задвинул речь. Он говорил о том, что Родина поручила им служить в военно-строительном отряде, а коротко ВСО, это почетная обязанность каждого гражданина, этот отряд прошел большой трудовой путь, что им предстоит работать на строительстве химического комбината, где трудятся сотни и тысячи комсомольцев, коммунистов и беспартийных. Что партия и правительство ждут от них ударного труда. Объяснил принцип обращения военных друг к другу. Теперь надо было представляться при рапорте начальству, – военный строитель, рядовой такой-то. Наконец он объявил, что в роте объявлен карантин, призывники будут проходить в ближайшие десять дней курс молодого бойца, затем примут присягу, и в течение двух лет с лопатой наперевес, бу-

дут отдавать долг Родине. Затем старшина роты, построив повзводно, в колонну по три повел воинов на завтрак. Своей столовой в батальоне не было, а была она в соседней части тоже ВСО, примерно в километре от этой. Еще недавно пестрая, разношерстая толпа, ходившая гурьбой, вперевалку была переодета в единообразную форму, построена по росту, и, хоть и не в ногу, но послушно шла строем.

– Не так все и плохо, я думал, будет хуже, – подумал Стас, вышагивая в первых рядах взвода. Доведя личный состав до столовой, старшина передал командование ротой зам командирам взводов. По-другому их называли «замок», это были сержанты второго года службы. Началась потеха.

– Справа по одному, бегом в столовую, – проорал сержант первого взвода.

Призывники пошли шагом, но, только они зашли в помещение столовой, и скрылись от взгляда офицеров, как их уже ждали старослужащие. Сняв ремни и подгоняя ударами пряжек, погнали особо строптивых, те ускорялись и бежали, их поджидали новые засады со «стариками», и вновь свистели ремни, доводя бегущих бедолаг до исступления. Подбегая к столу, делясь, по десять человек на стол, они замирали, глядя на еду, а сержанты орал:

– На месте бегом, – и те стоя вокруг стола, невпопад топтали ногами.

– Стой, сесть, приступить к приему пищи. Боец, сидящий с торца стола, черпаком, доставал из котла, и расплес-

кивая, разливал по побитым алюминиевым чашкам, мутную бурду. Быстро хлебая из чашек и откусывая огромные куски хлеба, почти не жуя, салаги, старались освободить чашки для второго. Во втором котле была перловая каша под названием «кирза». Там же стоял огромный пятилитровый чайник с темной сладкой жижей, сильно отдававшей хлоркой. Торцевой начал было наваливать кашу в свободные чашки. Но раздалась команда сержанта:

– Прекратить прием пищи, встать, бегом на выход.

Кто-то не понял и продолжал, есть, но вокруг салаг уже толпились старослужащие, любители строгих армейских традиций, которые тут, же ловко щелкая ремнями, попадали им точно в мягкое место. Призывники ойкали, подпрыгивая от боли и бросив все, выбегали наружу. Там их уже ждали.

– Вешайтесь, вам конец, неслось отовсюду.

– Построиться, бегом марш в расположение. Добежав до роты, им дали пять минут на передышку, затем на плац. Занятие строевой подготовкой продолжалось два часа. Потом практические занятия. Сержант показывал, как надо заправлять кровать, как натягивать простынь и одеяло, как отбивать кромки, водрузив сверху взбитую в квадрат подушку. Получался идеальный прямоугольник. Причем у всех он должен быть одинаковый, чтобы в спальном помещении было единообразие. Затем, как наматывать портянки. Стас немного умел это делать, отец показывал ему, когда они ходили на рыбалку, и он надевал резиновые сапоги. После

снова построение, строевые занятия. Взвод вывели на плац и под счет сержанта раз, два, левой, под палящим солнцем два часа маршировали. Потом обед. Все повторилось, опять не успев поест, всех бегом погнали в роту. После обеда, – строевая подготовка. Ужин. Все тоже. После ужина свободное время. Надо почистить сапоги, подшить подворотничок, привести форму в порядок. И наконец, вечерняя поверка и отбой. Стас за этот день так устал, что моментального уснул.

– Рота подъем, – громко прокричал дневальный, вспыхнул яркий свет. Стас, ничего не понимая сел на кровать. Свист ремня и резкая боль в спине заставила его подскочить, и не о чем не думая быстро одеться.

– Выходи строиться, – в проходе роты, где построились салаги, прохаживались незнакомые старослужащие солдаты, со спущенными ремнями, в ушитых формах и фуражках на затылке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.